

III. СТРАСТЬ К СВОБОДНЫМ РЫНКАМ

«В течение большей половины столетия ООН представляла собой основной форум для США, пытавшихся создать мир по своему образу и подобию путем организации совместных со своими союзниками акций, направленных на заключение таких глобальных соглашений по правам человека, ядерным испытаниям или окружающей среде, в которых, по настоянию Вашингтона, отражались бы его собственные ценности». Такова послевоенная история, о чем мы можем узнать из передовой статьи Дэвида Сэнджера, политического аналитика газеты «НьюЙорк таймс». Но времена меняются. Сегодня газетный заголовок гласит: «США экспортируют свои рыночные ценности с помощью глобальных торговых соглашений». Особенность политики, проводимой администрацией Клинтона, состоит в том, что она, не ограничиваясь традиционной для США опорой на ООН, стремится использовать еще и Всемирную Торговую Организацию (ВТО) в целях «экспорта американских ценностей». Как продолжает Сэнджер (цитируя американского торгового представителя), в настоящее время именно ВТО может стать наиболее действенным орудием экспорта «американской страсти к отказу от регулирования экономики» и вообще к свободному рынку, а также «американских ценностей свободной конкуренции, правил честной игры и реализации нововведений», в мир, все еще блуждающий в потемках. Эти «американские ценности» в высшей степени драматично иллюстрируются «волной будущего», к которой относятся телекоммуникации, Интернет, передовые компьютерные технологии и прочие чудеса, созданные безудержным американским духом предпринимательства, получившим полную свободу благодаря рынку, который в ходе рейгановской революции наконец-то был избавлен от правительственного вмешательства.

Сегодня «правительства повсюду принимают евангелие свободного рынка, проповедовавшееся в 80-е годы XX столетия президентом Рейганом и британским премьер-министром Маргарет Тэтчер» пишет Юссеф Ибрагим в другой передовой статье из «Таймс», в который уже раз повторяя общие места. Нравится вам это или нет, энтузиасты и критики, исповедующие широкий диапазон мнений, согласны между собой (будем придерживаться части спектра от либералов до левых) относительно «неумолимого размаха того явления, сторонники которого называют его «рыночной революцией»»: «рейгановский замшелый индивидуализм» изменил правила игры во всем мире, да и здесь, на его родине, как «республиканцы, так и демократы в своей преданности «новой ортодоксии» готовы предоставить рынку полную свободу действий».

С обрисованной картиной сопряжено множество проблем. Одна из них соотношение событий за последние полвека. Даже люди, истово верующие в «миссию Америки», должны знать, что отношения между США и ООН были на деле противоположны идиллической картине, описанной в первом абзаце, с тех пор, как ООН вышла из-под контроля США в связи

с процессом деколонизации и регулярно оставляет США в изоляции из-за их противодействия по отношению к глобальным соглашениям по широкому ряду вопросов и подрыва центральных структур ООН, в особенности ориентированных на третий мир. Много вопросов о мире подлежат дискуссии, но никак не этот.

Что же касается «рейгановского замшелого индивидуализма» и свойственного ему культа рынка, то, вероятно, достаточно будет процитировать обзор эпохи правления Рейгана в «Форин афферз», сделанный старшим исследователем международных финансов из Совета по международным отношениям. Автор обзора отмечает, что ирония состоит в том, что «этот послевоенный губернатор штата, в высшей степени страстно любивший *laissez-faire*, руководил крупнейшим поворотом к протекционизму после 30-х годов XX века». Однако это не «ирония», а нормальные плоды «страстной любви к *laissez-faire*»: рыночная дисциплина для вас, но не для меня, за исключением тех случаев, когда «игровое поле» будет благоприятствовать мне, что обычно бывает результатом широкомасштабного государственного вмешательства. Трудно найти другую тему, которая оказывала бы такое влияние на экономические теории на протяжении последних трех столетий.

Рейганисты шли по проторенной колее недавно превращенной в площадку для комедии «консерваторами» Гингрича, когда превозносили достоинства рынка и читали суровые нотации о расслабляющей бедняков в США и за границей культуре зависимости, одновременно гордо похваляясь перед деловым миром, что Рейган «защитил американскую промышленность от конкуренции со стороны импортных товаров в большей степени, нежели любой из его предшественников более чем за полвека»; на самом деле в большей степени, чем все его предшественники вместе взятые, возглавлявшие «массированное наступление» богатых и власть предержащих «на принцип [свободной торговли]» в начале 70-х годов XX века. Об этом в научной статье секретариата Всемирного соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) выражает сожаление экономист Патрик Лоу, который оценивает ограничительные последствия рейгановских мер как примерно в три раза превосходящие последствия аналогичных мер в других ведущих индустриальных странах.

Радикальный «поворот к протекционизму» был лишь частью «массированного наступления» на принципы свободной торговли при «рейгановском замшелом индивидуализме». Другая глава той же истории включает гигантский перевод государственных фондов в частный сектор, зачастую завуалированный ставшими уже традиционными требованиями «безопасности». Эта многовековая история продолжается сегодня без заметных изменений и, конечно, не только в США, хотя масштаб новых высот обмана и лицемерия показателен именно здесь.

«Британия Тэтчер» фактически является другим хорошим примером для иллюстрации «евангелия свободного рынка». Поговорим всего лишь о некоторых «откровениях», последовавших за последние несколько месяцев (начало 1997 года): как сообщила лондонская «Обсервер», «в период максимальной напряженности, связанный с осуществлением продажи вооружения Турции», премьер-министр Тэтчер «лично вмешалась в дело ради обеспечения выплаты 22 млн. фунтов стерлингов из бюджета, предназначенных для помощи другим странам, на нужды строительства метро в турецкой столице Анкаре. Этот проект оказался неэкономичным, а в 1995 году он был признан» министром

иностранных дел Дугласом Хэрдом, еще и «незаконным». Этот инцидент заслужил особое внимание как продолжение скандала о незаконной выдаче правительством Тэтчер субсидий, призванных «пособствовать продаже оружия малайзийскому режиму», причем по этому делу Верховный суд вынес вердикт против Херда. И это еще не считая правительственных кредитных гарантий, финансовых договоренностей и прочих протекционистских мер, обеспечивших перевод государственных фондов в «оборонную промышленность» и способствовавших предоставлению знакомого спектра льгот другим передовым отраслям промышленности.

Несколькими днями раньше та же газета сообщила, что «до 2 миллионов британских детей страдают от плохого здоровья и задержки роста из-за недоедания» в результате «бедности, достигшей масштабов, невиданных с 30-х годов XX века». Тенденция к улучшению здоровья детей пошла вспять, и детские болезни, которые раньше были под контролем, теперь распространяются все шире благодаря весьма избирательно действующему «евангелию свободного рынка», которое приводит в восторг лиц, этим евангелием облагодетельствованных.

За несколько месяцев до этого заголовок одной передовой статьи сообщал, что «один из трех британских младенцев рождается в бедности», поскольку «детская бедность возросла в целых три раза с тех пор, как Маргарет Тэтчер избрали премьер-министром». «Диккенсовские болезни возвращаются в современную Британию» гласит другой заголовок, сообщая об исследованиях, приведших к выводу, что «социальные условия в Британии возвращаются к тем, что были столетие назад». Особенно зловещими являются последствия отключения газа, электричества, водоснабжения и телефонов для «значительного количества домашних хозяйств» по мере того, как приватизация следует своим естественным путем, выдумывая разнообразные приемы, каковые благоприятствуют «более зажиточным квартиросъемщикам» и сводятся к «пеням для бедных», что приводит к «растущему разрыву в потреблении энергии между богатыми и бедными», а также в водоснабжении и других услугах. «Беспощадное сокращение» социальных программ приводит нацию в панику в связи с угрозой социального коллапса». Но промышленность и финансы от того же политического выбора как ни в чем не бывало преуспевают. И в довершение всего государственные расходы после 17 лет проповеди евангелия от Тэтчер составляли всё те же 42,25 % ВВП, какими они были и тогда, когда Тэтчер пришла к власти. И в этом нет ничего неожиданного.

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: «ЭКСПОРТИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ»

Давайте пока оставим интригующий контраст между доктриной и действительностью и посмотрим, чему мы можем научиться, анализируя вырисовывающуюся новую эру. Думаю, весьма многому.

Статья из «Таймс» о том, как «Соединенные Штаты экспортируют свои рыночные ценности», прославляет соглашение ВТО по телекоммуникациям. Одно из его приветствуемых последствий состоит в предоставлении Вашингтону «нового инструмента международной политики». Это соглашение «наделяет ВТО возможностью проникновения за границы 70 подписавших его стран», и не секрет, что международные организации могут функционировать лишь в той мере, в какой они соблюдают требования сильных мира сего, в частности, Соединенных Штатов. Следовательно, в реальном мире «новое оружие» позволяет Соединенным Штатам бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела других стран, принуждая их к изменению своих законов и порядков. Суть состоит в том, что ВТО должна убедиться, что другие страны «до конца следуют своим обязательствам, позволяющим иностранцам делать капиталовложения» в основные сектора экономики без ограничений. Если иметь в виду этот конкретный случай, то его вероятный исход ясен всем: «Очевидно, что выгоду от этой новой эры получают американские телекоммуникационные корпорации, находящиеся в наилучшем положении на ровном игровом поле» подчеркивает «Фар истерн экономик ревью», а также одна англо-американская мегакорпорация.

Не все в восторге от таких перспектив. Победители осознают этот факт и предлагают свою интерпретацию: по словам Сэнджера, другие боятся, что «американские телекоммуникационные гиганты... смогут подавить слабые монополии, поддерживаемые правительством, длительное время господствовавшие в сфере телекоммуникаций в Европе и Азии», как это произошло и в Соединенных Штатах, по прошествии многих лет после того, когда они только развивали ведущую экономику в мире и становились наиболее могущественным государством. Также стоит отметить, что фундаментальный вклад в современную технологию (упомянем лишь транзисторы) вносили научные лаборатории «слабых монополий, поддерживаемых правительством», которые господствовали в телекоммуникациях США вплоть до 70-х годов XX века. Эти монополии пользовались своей свободой от рыночной дисциплины для создания передовых отраслей индустрии, которое, как правило, происходило с помощью переводов средств из государственных фондов (иногда косвенно, через власть монополий, в отличие от более прямых способов действия системы Пентагона).

Те, кто иррационально держится за прошлое, смотрят на вещи чуть иначе. «Фар истерн экономик ревью» подчеркивает, что в Азии усилится безработица и «многим азиатским потребителям придется платить за телефонное обслуживание сначала больше и лишь потом меньше». Когда же они будут платить меньше? Для того, чтобы просияло это яркое будущее, необходимо лишь «поощрять» иностранных инвесторов, «чтобы они действовали, имея в виду общественное благо», а не только прибыль и обслуживание богачей и делового мира. Как осуществится такое чудо, нам не объясняют, хотя, несомненно, это предложение вдохновит штаб-квартиры корпораций на серьезные раздумья.

«Ревью» предсказывает, что за промежуток времени, необходимый для планирования, соглашение ВТО поднимет телефонную плату для большинства азиатских потребителей. «Фактом остается то, что сравнительно мало клиентов в Азии имеют шансы на выигрыш от удешевления международных тарифов», которое ожидается после захвата местных компаний гигантскими международными корпорациями, преимущественно американскими. В Индонезии, например, всего лишь около 300 тыс. из примерно 200 млн. жителей а

конкретно, сектор бизнеса вообще звонит за границу. Как утверждает Дэвид Барден, региональный аналитик по телекоммуникациям фирмы «J. P. Morgan Securities» в Гонконге, «вполне вероятно, что стоимость местного телекоммуникационного обслуживания [в Азии] возрастет». Но все это к лучшему, и он продолжает: «Если бизнес не приносит выгоды, то не будет бизнеса». И теперь, когда всё больше государственной собственности передается иностранным корпорациям, им не мешало бы обзавестись гарантированной прибылью сегодня это телекоммуникации, а завтра гораздо более обширный спектр соотносимых с ними услуг. Деловая пресса предсказывает, что «личная связь по Интернету [включая корпоративные сети и интерактивный режим] овладеет телекоммуникациями за пять-шесть лет, и наибольший интерес телефонных операторов будет заключаться в том, чтобы заниматься онлайн-бизнесом». Размышляя о будущем собственной компании «Интел СЕО», Эндрю Гроув считает Интернет «наибольшим изменением нашей окружающей среды» в наше время. Он ожидает широкомасштабного роста числа «провайдеров связи, людей, занимающихся разработкой всемирной сети, людей, которые делают компьютеры» («люди» означает корпорации) и рекламной индустрии, уже расходующей почти 350 млрд. долларов ежегодно и предвещающей новые возможности в результате приватизации Интернета, которая, как ожидается, превратит его в глобальную олигополию.

Тем временем приватизация стремительно расчищает путь во все страны и отрасли. Возьмем один важный случай: правительство Бразилии, игнорируя серьезное противодействие со стороны народа, решило приватизировать компанию «Вале», которая контролирует обширные залежи урана, железа и прочие минеральные ресурсы, а также индустриальное и транспортное оборудование, в том числе сложную технологию. «Вале» высокодоходная компания, ее годовой доход за 1996 год составил более 5 млрд. долларов, она имеет превосходные перспективы на будущее; это одна из шести латиноамериканских компаний, оцениваемых специалистами среди 500 наиболее прибыльных в мире. По оценке специалистов из Школы инженерного дела при Федеральном университете Рио-де-Жанейро, правительство серьезно занизило стоимость компании; также было отмечено, что оно опиралось на «независимый» анализ компании «Мерилл Линч», оказавшейся тесно связанной с англо-американским конгломератом компаний, который стремится захватить эту центральную отрасль бразильской экономики. Правительство гневно отрицает эти выводы. Если же они точны, то оно действует по весьма знакомому образцу.

Мимоходом отметим, что коммуникации не совсем то же, что уран. Сосредоточение коммуникаций в чьих-либо руках (в особенности в зарубежных) ставит некоторые достаточно серьезные вопросы о смысле демократии. Аналогичные вопросы встают относительно концентрации финансов, которая подрывает вовлечение народа в социальное и экономическое планирование. Контроль же над продовольствием поднимает еще более серьезные вопросы, в данном случае о выживании. Год назад генеральный секретарь Организации по продовольствию и сельскому хозяйству при ООН (ФАО), сообщая о том, что «продовольственный кризис в этом году вызвал гигантский подъем цен на зерновые», предупредил, что страны «должны становиться более самодостаточными в производстве продовольствия». ФАО предупреждает «развивающиеся страны», чтобы они переориентировали в противоположном направлении политику, навязанную им Вашингтонским консенсусом, политику, которая оказала пагубное воздействие на значительную часть земного шара, облагодетельствовав разве что субсидируемый

агробизнес и, между прочим, наркоторговлю возможно, наиболее драматический успех неолиберальных реформ с точки зрения ценностей «свободного рынка», «экспортируемых Соединенными Штатами».

Контроль над продовольственными поставками со стороны зарубежных корпоративных гигантов совсем не за горами, и после подписания и реализации соглашения по телекоммуникациям на очереди будут финансовые услуги.

В итоге ожидаемые последствия победы «американских ценностей» в ВТО таковы:

1. «Новое оружие» для всеобъемлющего американского вмешательства во внутренние дела других стран;
2. Захват центральных секторов зарубежной экономики корпорациями, базирующимися в США;
3. Выгоды для бизнеса и богачей;
4. Переложение расходов на широкие слои населения;
5. Новое и потенциально более мощное оружие против угрозы со стороны демократии.

Разумный человек может задать вопрос, достойны ли такие последствия прославления, или же они просто случайно сопровождают победу принципа, прославляемого из преданности высшим ценностям. Скептицизм усиливается, когда «таймс» объявляет приведенную в самом начале картину послевоенной эпохи неопровержимым фактом. Он еще более усиливается, если мы взглянем на некоторые из поразительных исторических закономерностей: среди них та, что те, кто в состоянии навязывать свои планы, не только с энтузиазмом приветствуют их, но еще и, как правило, получают от них выгоду, независимо от того, включают ли исповедуемые ими ценности свободу торговли или другие во всеуслышание провозглашаемые принципы, которые на самом деле хитро подгоняются под потребности тех, кто ведет игру и одобряет результат. Если эта модель повторится, то одна только логика внесет определенную ноту скептицизма. Истории придется перенести отмеченную закономерность на новый уровень.

В действительности, нам даже нет нужды заниматься столь отдаленными последствиями.

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ФОРУМ НЕЧЕСТИВЫХ

В тот самый день, когда на первой странице «НьюЙорк таймс» сообщалось о победе американских ценностей в ВТО, редакторы этой газеты предупредили Евросоюз, что ему не стоит обращаться в ВТО с обвинением Соединенных Штатов в том, что они нарушают соглашения о свободе торговли. В узком смысле предметом спора стал акт Хелмса-Бертон,

который «обязывает Соединенные Штаты налагать санкции на иностранные компании, занимающиеся бизнесом на Кубе». Санкции «фактически запрещают этим фирмам производить экспорт в Соединенные Штаты или заниматься там бизнесом, даже если их продукты и деятельность не имеют ничего общего с Кубой» (Питер Мориси, бывший экономический директор в Международной торговой комиссии США). Это серьезное наказание, не говоря уже о более прямых угрозах в адрес индивидов и компаний, которые пересекают линию, проведенную Вашингтоном в одностороннем порядке. Редакторы «Нью-Йорк таймс» полагают, что этот акт является «направленной не в ту сторону попыткой Конгресса навязать свою внешнюю политику другим»; Мориси спорит с ними, поскольку этот акт «приносит больше расходов, чем прибыли» Соединенным Штатам. В более широком смысле предметом спора служит само эмбарго, «американское экономическое удушение Кубы», называемое редакторами «анахронизмом холодной войны», от которого лучше всего отказаться, так как оно начинает вредить интересам американского бизнеса. Но более широких вопросов о правоте и неправоте не возникает, и редакторы газеты подчеркивают, что все это дело «диспут сугубо политический», не имеющий отношения к «обязательствам Вашингтона по свободной торговле». Как и большинство прочих, редакторы, очевидно, полагают, что если Европа будет упорствовать, то ВТО, вероятно, примет постановление против Соединенных Штатов. Значит, ВТО форум нечестивых.

Логика проста и стандартна. Десятью годами раньше Международный суд (ICJ) был сочтен неприличным форумом за то, что он рассмотрел обвинения Никарагуа против Вашингтона. Соединенные Штаты отвергли юрисдикцию ICJ, и когда суд осудил США за «незаконное применение силы», повелев Вашингтону прекратить международный терроризм, нарушения договоров и нелегальную экономическую войну и обязав его выплатить значительные репарации, контролируемый демократами Конгресс ответил мгновенной эскалацией насилия, а суд подвергся резкому и всестороннему изобличению в качестве «враждебного форума», который дискредитировал себя принятием решения против Соединенных Штатов. Само решение почти не приводилось, цитировались лишь вышеприведенные слова и фрагмент принятого судом постановления о том, что американская помощь «контрас» является «военной» и «не гуманитарной». Наряду с тем, что США руководили террористическими силами, помощь продолжалась до тех пор, пока Соединенные Штаты не навязывали собственную волю, которая всегда именовалась «гуманитарной помощью». Официальная история придерживается тех же условностей. Затем Соединенные Штаты наложили вето на постановление Совета Безопасности, призвавшее все государства соблюдать международное право (о чем сообщается очень скупой), и в одиночестве (вместе с Сальвадором и Израилем) проголосовали против резолюции Генеральной Ассамблеи, призвавшей к «полному и немедленному выполнению» постановления суда. Это решение не было отражено в основных средствах массовой информации, равно как и повторение аналогичной ситуации на следующий год, когда в тандеме с США выступил только Израиль. Все дело в целом оказывается характерной иллюстрацией того, как Соединенные Штаты использовали ООН в качестве «форума» для навязывания собственных ценностей (см. цитату в начале статьи).

Возвратимся к последнему случаю с ВТО: в ноябре 1996 года Вашингтон опять практически в одиночестве (вместе с Израилем и Узбекистаном) проголосовал против поддержанной всем Европейским Союзом резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призвавшей США

отказаться от эмбарго против Кубы. Организация американских государств (ОАГ) уже единогласно проголосовала в пользу отказа от акта Хелмса-Бертон и обратилась к своей юридической организации (Межамериканский юридический комитет) с просьбой принять постановление насчет его законности. В августе 1996 года Межамериканский юридический комитет единогласно постановил, что акт Хелмса-Бертон нарушает международное право. Годом раньше Межамериканская комиссия по правам человека при ОАГ осудила введенные США ограничения на поставки продовольствия и медикаментов на Кубу как нарушение международного права. Администрация Клинтона ответила, что поставки лекарств как таковые не запрещены, им лишь препятствуют посредством условий столь обременительных и угрожающих, что даже крупнейшие американские и зарубежные корпорации не хотят сталкиваться с подобной перспективой (гигантские финансовые штрафы и аресты за то, что Вашингтон определяет как нарушения «надлежащего распределения», объявление вне закона кораблей и самолетов, организация пропагандистских кампаний в средствах массовой информации и т. д.). И в то время как поставки продовольствия на Кубу действительно запрещены, администрация Клинтона утверждает, что во многих странах имеются «щедрый поставщики» (по сильно завышенным ценам), так что прямое нарушение международного права таковым не является.

Когда этот вопрос был вынесен Евросоюзом на обсуждение во Всемирную торговую организацию, американцы не явились на слушания, как это уже происходило в Международном суде, и тем самым практически провалили принятие каких-либо обязательных для выполнения американской администрацией решений.

Словом, мир, который Соединенные Штаты стремятся «создать по своему образу и подобию» с помощью международных организаций, основан на принципе правления силы. А «американская страсть к свободе торговли» приводит к тому, что правительство США может по собственному произволу нарушать торговые соглашения. Никаких проблем не возникает, когда иностранные (преимущественно американские) корпорации прибирают к рукам коммуникации, финансы и продовольственные поставки. Обстоятельства, однако, изменяются, когда торговые соглашения и международное право мешают планам сильных мира сего что опять-таки подтверждается историей.

Мы кое-что узнаём, исследуя причины, по которым США отвергают международное право и торговые соглашения. В случае с Никарагуа юрискон сульт Госдепартамента Абрахам Софаэр объяснил, что когда Соединенные Штаты признавали юрисдикцию Международного суда, большинство членов ООН «равнялись на США и разделяли их взгляды касательно миропорядка». Но теперь «нельзя рассчитывать на то, что очень многие из них будут разделять наш взгляд на первоначальную основополагающую концепцию Хартии ООН», и «это самое большинство часто противостоит Соединенным Штатам по важным международным вопросам». Поэтому понятно, что Соединенным Штатам, начиная с 60-х годов XX века, приходится быть недостижимым лидером по наложению вето на резолюции ООН по широкому спектру вопросов, включая международное право, права человека, охрану окружающей среды и т. д., что полностью идет вразрез со стандартной версией, повторенной в первом абзаце этой статьи. Соединенные Штаты сделали еще шаг вперед в этом лидерстве вскоре после публикации упомянутой статьи, наложив свое семьдесят первое вето, начиная с 1967 года. Когда вопрос (израильские поселения в Иерусалиме) был

передан на Генеральную Ассамблею, против, как обычно, выступили только США и Израиль.

Сделав естественные выводы из ненадежности мира, Софаэр в дальнейшем пояснил, что теперь мы должны «оставить за собой власть определять, имеет ли Международный суд в этом конкретном случае юрисдикцию над нами». Давний принцип, который следует навязать миру, не желающему демонстрировать достаточную степень лояльности, состоит в том, что «Соединенные Штаты не соглашаются с принудительной юрисдикцией, касающейся любого спора по вопросам, находящимся сувереном в пределах внутренней юрисдикции США, определяющейся Соединенными Штатами». «Внутренним делом», о котором идет речь, является нападение США на Никарагуа.

Основной руководящий принцип американской политики был элегантно выражен новым госсекретарем, Мадлен Олбрайт, когда та поучала Совет Безопасности ООН за его нежелание подчиняться требованиям США, касающимся Ирака: Соединенные Штаты будут «вести себя как другие, учитывая многосторонние интересы, по мере наших возможностей, и учитывая свои интересы, по мере наших обязательств». Тем самым она признала отсутствие каких-либо внешних сдерживающих факторов в регионе, названном «жизненно важным для американских национальных интересов». Само собою понятно, что эти интересы определяются исключительно самими Соединенными Штатами. ООН является для США подходящим форумом тогда, когда «можно рассчитывать» на то, что его члены будут разделять взгляды Вашингтона, но не тогда, когда большинство «противостоит Соединенным Штатам по важным международным вопросам». Международное право и демократия вещи превосходные, но только если судить по результату, а не по процессу; такова же свободная торговля.

Итак, нынешняя американская позиция в ВТО не несет в себе ничего нового. Вашингтон заявил, что ВТО «не обладает компетенцией» заниматься рассмотрением вопроса, касающегося американской национальной безопасности; выходит, мы должны понимать это так, что удушение кубинской экономики ставит на карту наши жизни. Один из предшественников администрации Клинтона добавил, что постановление ВТО, принятое против Соединенных Штатов *in absentia*, не имеет значения и не причиняет беспокойства, так как «мы не верим, что что-либо, что говорит или делает ВТО, может заставить США изменить свои законы». Вспомните, что громадная заслуга соглашения ВТО по телекоммуникациям заключалась в том, что это «новое орудие международной политики» заставляет другие страны изменять свои законы и обычаи в соответствии с нашими требованиями.

Принцип здесь в том, что США избавлены от вмешательства ВТО в их законы, подобно тому, как они вольны нарушать международное право по своему произволу они и только они, хотя привилегия может быть распространена и на государства-сателлиты, когда потребуют обстоятельства. Вот как громко и отчетливо звучат здесь основополагающие принципы мирового порядка.

Прежние соглашения ГАТТ допускали исключения по соображениям национальной безопасности, и под этим предлогом Вашингтон оправдывал свое эмбарго против Кубы в качестве «мер, принятых ради существенных интересов безопасности США». Соглашение ВТО также разрешает любому его члену совершать «всякое действие, которое он сочтет

необходимым для защиты своих существенных национальных интересов», но лишь в отношении трех особо отмеченных случаев: радиоактивные материалы, торговля оружием и действия, предпринятые «в военное время или при других аналогичных ситуациях в международных отношениях». Возможно, не желая попасть впросак, администрация Клинтона в своем конфликте с ВТО формально не сослалась на «национальную безопасность как на повод для неподчинения», хотя она дала понять, что дело тут все-таки в «национальной безопасности».

Эта статья пишется, когда Евросоюз и США пытаются совершить сделку до 14 апреля, на которое назначены слушания ВТО. Тем временем «Уоллстрит джорнэл» сообщает, что Вашингтон «говорит, что он не собирается сотрудничать с судебными заседателями ВТО, аргументируя это тем, что эта торговая организация не обладает юрисдикцией над вопросами национальной безопасности».

НЕПРИЛИЧНЫЕ МЫСЛИ

Приличным людям не положено помнить реакцию Мексики, когда Кеннеди пытался организовать коллективную интервенцию против Кубы в 1961 году: один дипломат объяснил, что Мексика не может присоединиться, потому что «если мы публично заявим, что Куба представляет угрозу нашей безопасности, то сорок миллионов мексиканцев помрут от смеха». Здесь мы рассмотрим угрозы национальной безопасности более трезво.

Никто не сообщал о смертях от смеха и тогда, когда спикер администрации Стюарт Айзенштат, оправдывая отказ Вашингтона от соглашений по ВТО, заявил, что «Европа оспаривает три десятилетия американской кубинской политики, восходящей к администрации Кеннеди и полностью нацеленной на насильственную смену власти в Гаване». На предположение о том, что США имеют полное право свергнуть другое правительство, используя такие средства, как агрессия, широкомасштабный террор и экономическое удушение, совершенно необходима трезвая реакция.

Это предположение остается в силе и, очевидно, не оспаривается, но заявление Айзенштата по более узким причинам подверглось критике историка Артура Шлезингера. Шлезингер пишет «как лицо, посвященное в кубинскую политику администрации Кеннеди», и подчеркивает, что заместитель министра торговли Айзенштат не понял политику администрации Кеннеди. Ее заботой было то, что Куба стала «смутьяном в целом полушарии», а также «связь с Советами». Но теперь все это далеко позади, и поэтому политика Клинтона в отношении Кубы анахронизм, хотя в остальных отношениях она безупречна.

Здесь Шлезингер не объяснил значение выражений «смутьян в целом полушарии» и «связь с Советами», но сделал это в секретных документах. Докладывая вступавшему в должность президенту о выводах Латиноамериканской миссии, сделанных в начале 1961 года, Шлезингер расшифровал проблему «смутьянства Кастро»: это «распространение идеи Кастро о том, что дела надо вести самостоятельно», и вскоре после этого добавил, что это серьезная проблема, когда «распределение земли и других форм национального богатства

весьма благоприятствует имущим классам... [а] бедные и непривилегированные, получив стимул от кубинской революции, теперь требуют возможностей для приличной жизни». Шлезингер также объяснил, что такое угроза «связи с Советами»: «Тем временем Советский Союз парит на крыльях, размахивая щедрыми займами на развитие и предлагая себя в качестве образца для достижения модернизации в течение одного поколения». «Связь с Советами» воспринималась в Вашингтоне и Лондоне аналогичным образом, и даже гораздо более нервозно с начала холодной войны в 1917 году и вплоть до 60-х годов XX века, на которых основные доступные документы пока заканчиваются.

Шлезингер также рекомендовал вступавшему в должность президенту «некоторое количество высокопарных банальностей» о «высших целях культуры и духа», что «вызовет трепет у аудитории к югу от нашей границы, где метаисторические изыски пробуждают неумеренный восторг». Тем временем мы обратим внимание на серьезные вещи. Чтобы просто показать, как сильно изменилась ситуация, Шлезингер также реалистически критиковал «пагубное влияние Международного валютного фонда», в ту пору проводившего в жизнь версию 1950-х годов сегодняшнего Вашингтонского консенсуса («структурная перестройка», «неолиберализм»).

С помощью этих (секретных) объяснений «смутьянства Кастро в целом полушарии» и «связи с Советами» мы подходим на шаг ближе к пониманию реальности холодной войны. Но это уже другая тема.

Аналогичное смутьянство за пределами Западного полушария также представляло немалую проблему и продолжает распространять опасные идеи среди людей, которые «теперь требуют возможностей для приличной жизни». В конце февраля 1996 года, когда в США поднялся шум по поводу того, что Куба сбивла два самолета противодействующей Кастро группы с базой во Флориде, которые регулярно проникали в кубинское воздушное пространство, разбрасывая в Гаване листовки с призывами, подстрекавшими кубинцев к восстанию (согласно кубинским источникам, они еще и участвовали в продолжающихся террористических нападениях на Кубу) телеграфные агентства передавали непохожие друг на друга истории. АП сообщало, что в Южной Африке «ликующая и поющая толпа приветствовала кубинских врачей», которые только что прибыли по приглашению правительства Манделы, чтобы «улучшить медицинское обслуживание в бедных сельских регионах»; «на Кубе насчитывается 57.000 врачей при 11 млн. населения, тогда как в Южной Африке 25.000 на 40 млн.». Группа, состоявшая из 101 кубинского врача, включала медицинских специалистов высшего класса, и если бы они были южноафриканцами, то «с большой вероятностью работали бы в Кейптауне или Йоханнесбурге», получая зарплаты, вдвое превышающие те, которые им будут платить в бедных сельских регионах, куда они приехали. «С тех пор, как программа отправки специалистов по здравоохранению за границу началась с Алжира в 1963 году, Куба послала 51.820 терапевтов, дантистов, медсестер и других врачей» в «беднейшие страны третьего мира», обеспечивая в большинстве случаев «совершенно бесплатную медицинскую помощь». Спустя месяц после радушной встречи в Южной Африке кубинских специалистов по медицине пригласили на Гаити для изучения вспышки менингита.

Один ведущий западногерманский журнал сообщал в 1988 году, что страны третьего мира считают Кубу «международной сверхдержавой» из-за того, что кубинские учителя, строители, медики и другие заняты «интернациональной помощью». В 1985 году в странах третьего мира работало 16 000 кубинцев вдвое больше, чем специалистов Корпуса мира и AID из Соединенных Штатов. К 1988 году Куба «отправила за границу врачей больше, чем любая индустриально развитая страна, и больше, чем Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) при ООН». Большая часть такой помощи предоставлялась безвозмездно, а «международные эмиссары» Кубы это «мужчины и женщины, живущие в условиях, которые хуже тех, с какими не согласились бы большинство работников, оказывающих помощь развивающимся странам». Это и составляет «основу их успеха». Для кубинцев, продолжает журнал, «международная помощь» считается «знаком политической зрелости» и преподается в школах в качестве «высочайшей добродетели». Горячий прием кубинцев делегацией АНК в Южной Африке в 1996 году и толпы, распеваящие «Да здравствует Куба!», свидетельствуют о том же явлении.

Между прочим, мы могли бы спросить, как прореагировали бы Соединенные Штаты на ливийские самолеты, кружащие над Нью-Йорком и Вашингтоном и разбрасывающие листовки, призывающие американцев к восстанию, после многих лет террористических нападений на объекты США на родине и за границей? Может быть, увенчали бы их цветочными гирляндами? Некоторый намек дал Барри Дансмор из агентства Эй-Би-Си, цитируя Уолтера Порджеса, бывшего вице-президента Эй-Би-Си Ньюс по новостным программам. Порджес сообщает: когда группа Эй-Би-Си на гражданском самолете попыталась заснять Шестой флот США в Средиземном море, «нам приказали немедленно убраться, или нас собьют», что «предусмотрено статьями международного закона, определяющего воздушное пространство для военных самолетов». Однако же, если сверхдержава нападет на маленькую страну это другое дело.

Возможно, полезным будет углубиться в историю. Политика, направленная на свержение правительства Кубы, восходит не к администрации Кеннеди, как утверждал Айзенштат, а к ее предшественнице: формальное решение свергнуть Кастро в пользу режима, «более преданного истинным интересам кубинского народа и более приемлемого для США», было тайно принято в марте 1960 года. Это решение было снабжено приложением, гласившим, что операцию следует осуществлять «так, чтобы избежать всякой видимости американской интервенции», из-за реакции, ожидавшейся в Латинской Америке, и из-за того, что потом пришлось бы отыгрываться на разработчиках соответствующей доктрины в США. В то время «связь с Советами» и «смутьянство в целом полушарии» были равны нулю, что не соответствует версии Шлезингера. Кроме того, администрация Кеннеди признала, что ее усилия нарушают международное право и Хартии ООН и ОАГ, но, как показывают нам рассекреченные документы, подобного рода соображения отбрасывались без всякого обсуждения.

Поскольку Вашингтон является арбитром «истинных интересов кубинского народа», для разработчиков планов из правительства США не было необходимости прислушиваться к полученным ими результатам исследований общественного мнения, в которых сообщалось о народной поддержке Кастро и оптимизме по отношению к будущему. По аналогичным причинам не принимается во внимание и текущая информация по этим вопросам.

Администрация Клинтона служит истинным интересам кубинского народа, насаждая нищету и голод, что бы ни прочитывалось в исследованиях общественного мнения на Кубе. К примеру, опрос, проведенный в декабре 1994 года филиалом Института Гэллапа, показал, что половина населения считает эмбарго «основной причиной кубинских проблем», тогда как 3 % нашли политическую ситуацию «наиболее серьезной проблемой, стоящей перед Кубой сегодня»; что 77 % считают США «наихудшим другом» Кубы (ни одна другая страна не достигла 3 %); что две трети населения считает, что революция принесла больше достижений, чем провалов, а «основной провал» заключался в «зависимости от социалистических стран вроде России, которые нас предали»; и что половина кубинцев называет себя «революционерами» и еще 20 % «коммунистами» или «социалистами».

Как бы там ни было, выводы, касающиеся позиций общественности, не принимаются во внимание, и делается это опять-таки систематически, в том числе и в США. Любители истории могут вспомнить, что описываемая политика фактически восходит к 1820-м годам, когда намерение Вашингтона взять Кубу под контроль не осуществилось благодаря британским средствам устрашения. Госсекретарь Джон Квинси Адамс считал Кубу «объектом чрезвычайной важности для торговых и политических интересов нашего Союза», но он рекомендовал быть терпеливыми. Со временем, предсказывал он, Куба сама упадет в руки США по «законам политической... гравитации», подобно «плоду, созревшему» для сбора.

Так это и случилось, когда в конце XIX века власти Соединенных Штатов окончательно решили освободить остров (от его населения), чтобы превратить его в американскую плантацию и гавань для преступных синдикатов и туристов. Исторические истоки решимости США властвовать над Кубой могут способствовать объяснению элементов истерии, столь явно присутствовавших при осуществлении этих планов; возьмем, например, описанную Честером Баулзом «почти что свирепую» атмосферу первого заседания кабинета министров после неудачной интервенции в заливе Кочинос, «близкую к бешенству реакцию на программу действий» настроение, отраженное в публичных заявлениях Кеннеди о том, что если мы, американцы, будем бездействовать, «нас скоро выметут вместе с историческим хламом». В кубинских инициативах Клинтона публичной и той, что под ней прочитывается, проявляется аналогичная черта карательного фанатизма например, в угрозах и судебных преследованиях, приведших к тому, что «количество компаний, получивших лицензии США на торговлю [лекарствами] на Кубе, упало до менее 4 % «от уровня, предшествовавшего Акту о кубинской демократии (АКД), принятому в октябре 1992 года, при том, что «лишь несколько медицинских компаний во всем мире попытались бросить вызов американским правилам» и наказаниям, как сообщает обзор из ведущего британского медицинского журнала.

Примеры вроде упомянутых выше уводят нас из отвлеченной сферы международного права и торжественных соглашений к реалиям человеческой жизни. Пусть юристы спорят, нарушает ли запрет на ввоз продовольствия и (фактически) лекарств международное соглашение, гласящее, что «продовольствие не должно использоваться в качестве орудия политического и экономического давления» (Римская декларация, 1996), и прочие декларированные принципы и обязательства. Но ведь жертвам приходится жить, смирившись с тем, что АКД «привел к серьезному снижению допускаемых законом поставок

лекарств и продовольственных пожертвований в ущерб кубинскому народу» (Камерон). Недавно вышедшее исследование Американской ассоциации всемирного здравоохранения (ААВЗ) делает вывод, что эмбарго вызвало серьезный дефицит продовольствия, ухудшение в снабжении безопасной питьевой водой и резкое снижение доступности лекарств и медицинской информации, что привело к низкой рождаемости, к эпидемиям неврологических и прочих заболеваний с тысячами жертв и к прочим тяжелым последствиям для здоровья. «Стандарты здравоохранения и питания обрушились из-за недавнего усиления 37-летнего американского эмбарго, которое включает и импорт продовольствия», пишет в британской прессе Виктория Бриттейн, сообщая об исследовании, проводившемся в течение года американскими специалистами из ААВЗ, которые обнаружили «в больницах агонизирующих детей, так как основные лекарства им недоступны», и врачей, вынужденных «работать с медицинским оборудованием менее чем на половину мощности, так как у них нет запчастей». Аналогичные выводы делаются и в других текущих исследованиях из профессиональных журналов.

Таковы реальные преступления, гораздо более серьезные, чем непреднамеренные или же обдуман ные злоупотребления правовыми инструментами, используемыми в качестве орудий против официальных врагов; такой цинизм могут демонстрировать лишь поистине сильные мира сего.

Честно говоря, следует добавить, что страдания, причиненные эмбарго, иногда отзываются и в США. Так, передовица в разделе бизнеса «Нью-Йорк таймс» озаглавлена: «Цены на кубинские сигары взлетают до небес: теперь, когда толстые сигары тощат, эмбарго действительно болезненно». В статье речь идет о горестях руководителей бизнеса, собирающихся в «плюшевой курительной комнате» на Манхэттене и сетующих на то, «что в эти дни достать кубинскую сигару в Штатах ох как трудно», разве что по «ценам, которые щекочут горло даже самым завзятым курильщикам».

Пока администрация Клинтона, пользуясь привилегией силы, приписывает жуткие последствия беспрецедентной в современной истории экономической войны политике режима, от которого она обещает «освободить» страдающий кубинский народ, более убедительным выводом является почти противоположный: «американское экономическое удушение Кубы» задумывалось, поддерживалось, а в эпоху после холодной войны укреплялось по причинам, вскрытым в докладной записке Артура Шлезингера вступавшему в должность президенту Кеннеди. Произошло именно то, чего опасалась Латиноамериканская миссия Кеннеди: успехи программ по улучшению здравоохранения и уровня жизни способствовали распространению «идеи Кастро о том, что дела надо вести самостоятельно», стимулируя «бедных и непривилегированных» в регионе с наихудшим во всем мире неравенством «требовать возможностей для приличной жизни»; а также были и другие опасные последствия. Существуют важные документальные факты непреодолимой силы, сопровождающиеся согласованными с ними действиями, основанными на совершенно рациональных мотивах, которые наделяют эту оценку немалым правдоподобием. Чтобы оценить притязание на то, что американская политика на Кубе обусловлена озабоченностью «нарушением прав человека и попранием демократии», достаточно всего лишь взглянуть на эти документы по крайней мере, тем, кто всерьез озабочен этими проблемами.

Однако же, когда мы празднуем триумф «американских ценностей», о делах, нашедших отражение в этих документах, не принято говорить вслух «в приличном обществе». Также принято считать, что мы не помним, что Клинтон, вдохновившись той же страстью к свободной торговле, «заставил Мексику подписать соглашение, которое положит конец поставкам дешевых помидоров в Соединенные Штаты», сделав подарок флоридским производителям, стоивший Мексике около 800 млн. долларов ежегодно и нарушивший и соглашение НАФТА, и соглашение ВТО (хотя только «по духу», ибо это была чисто силовая игра, которой не требуется официальный тариф). Администрация Клинтона объяснила решение откровенно: мексиканские помидоры дешевле, и американские потребители предпочитают их. Свободный рынок работает, но не с тем результатом. Или, возможно, помидоры тоже представляют угрозу национальной безопасности.

Разумеется, помидоры и телекоммуникации это совершенно разные вещи. И любые услуги, которые Клинтон оказал производителям Флориды, кажутся ничтожными по сравнению с требованиями индустрии телекоммуникаций, и это даже не считая того, что Томас Фергюсон описывает в качестве «величайшего секрета выборов 1996 года», когда он напоминает о том, что «наибольшую поддержку на выборах Билл Клинтон получил не от какого-либо политического блока, но от сектора телекоммуникаций», поскольку именно из этого «необычайно прибыльного сектора» Клинтон получил основные пожертвования на свою предвыборную кампанию. Акт о телекоммуникациях 1996 года и упомянутое соглашение ВТО являются в некотором смысле благодарственными расписками, хотя было бы невероятно, если бы результат сильно отличался от имеющегося, если бы деловой мир избрал иную смесь щедрот, ведь он сейчас страдает от того, что «Бизнес уик» совсем недавно назвал «баснословными» прибылями еще на одной «вечеринке сюрпризов для корпоративной Америки».

Среди истин, которые не следует вспоминать, выделяются кратко упомянутые раньше: фактические итоги «рейгановского замшелого индивидуализма» и «евангелие свободного рынка» (для бедных и незащищенных), проповедовавшееся в годы, когда протекционизм достиг небывалых высот, а администрация с необыкновенной непринужденностью осыпала высокотехнологичную промышленность средствами из государственных фондов. Здесь мы начинаем приближаться к сути дела. Только что рассмотренные основания для скептицизма по поводу описанной «страсти» достаточно значимы, но они являются лишь примечанием к реальности: американским корпорациям удалось достичь позиций, благоприятных для доминирования на между народных рынках, что и способствовало нынешнему прославлению «американских ценностей».

Но это опять же долгая история, и она расскажет нам многое о современном мире: о его социальных и экономических реалиях, а также о власти идеологий и доктрин, включая и те, что выдуманы для внушения безнадежности, смирения и отчаяния.

Впервые опубликовано в Z, март 1997.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. David Sanger, NYT, February 17, 1997; Youssef Ibrahim, NYT, December 13, 1996; Harvey Cox, World Policy Review, Spring; Martin Nolan, Boston Globe, March 5, 1997; John Buell, Progressive, March 1997.
2. Shafiqi Islam, Foreign Affairs, America and the World, 1989-90.
3. Patrick Low, Trading Free (Twentieth Century Fund, 1993).
4. Observer (London), January 19, January 12, 1997, а также Noam Chomsky, Powers and Prospects (South End, 1996), 18; Independent, November 24, 25, 1996; Guardian Weekly, January 5, 1997. Financial Times, January 17, 1997.
5. Gary Silverman and Shada Islam, Far Eastern Economic Re-view, February 27, 1997.
6. Reuters, February 1, 1996, процитировано в Andrew Grove, Only the Paranoid Survive (Doubleday, 1996), 201, 172-3. О перспективах см. Robert McChesney, Corporate Media and the Threat to Democracy (Open Media Pamphlet Series/Seven Stories Press, 1997); Edward Herman and Robert McChesney, The Global Media (Cassell, 1997).
7. Jornal do Brasil, March 10, 19, 1997; Revista Ateneao, March 1997, перепечатано в Sem Terra, February 1997; Carlos Tautz, Latinamerica Press, March 13, 1997.
8. Deborah Hargreaves, Financial Times (London), February 2, 1996.
9. Editorial, NYT, February 17, 1997; Peter Morici, Current History, February 1997.
10. Editorial, NYT, February 17, 1997; NYT, November 13, 1996; Wayne Smith, In These Times, December 9, 1996; Anthony Kirkpatrick, Lancet 358, no. 9040, November 30, 1996, перепечатано в Cuba Update, Winter 1997; David Sanger, NYT, February 21, 1997.
11. Ian Williams, Middle East International, March 21, 1997. По поводу стандартного причудливого толкования документов ООН см. Noam Chomsky, Deterring Democracy (Verso 1991), Chapter 6; Letters from Lexington (Common. Courage, 1993), Chapters 8,9.
12. Abraham Sofaer, The United States and the World Court, V. S. Dept. of State, Bureau of Public Affairs, Current Policy Series, no. 769, December 1985.
13. Jules Kagian, Middle East International, October 21, 1994.
14. В их отсутствие (лат.). Прим. пер.
15. Frances Williams and Nancy Dunne, Financial Times, November 21, 1996.
16. Wall Street Journal, March 25, 1997.
17. Ruth Leacock, Requiem for Revolution (Kent State, 1990), 33.

18. David Sanger, NYT, February 21, 1997.
19. Arthur Schlesinger, letter, NYT, February 26, 1997.
20. Foreign Relations of the United States, 1961-63, vol. XII, American Republics, 13f., 33, 9. (Government Printing Office, Washington, DC 1997).
21. Tim Weiner and Miyera Navarro, NYT, February 26, 1997; также сообщается, что американская разведка заявила, что нарушил кубинское воздушное пространство, по меньшей мере, один из самолетов, а возможно, и все три, и что перед тем они получили предупреждения от службы контроля за воздушным движением в Гаване. О недавних террористических нападениях см. Cuba Update, March/April 1996. Angus Shaw, AP, February 27; Donna Bryson, AP, February 20; Lionel Martin, Reuters, March 26, 1996 (служба San Jose Mercury News). Boston Globe, March 24, 1996.
22. Michael Stuehrenberg, Die Zeit, World Press Review, December 1988.
23. Barrie Dunsmore, "Live from the Battlefield", discussion paper, January 8, 1996.
24. Piero Gleijeses, "Ships in the Night: The CIA, The White House and the Bay of Pigs", Journal of Latin American Studies 27, no. 1, February 1995, 1-42; Jules Benjamin, The United States and the Origins of the Cuban Revolution (Princeton University Press, 1990).
25. Miami Herald, Spanish Edition, December 18, 1994; Магна Lopez Vigil, Епуно (Jesuit University of Central America, Managua), June 1995.
26. Kirkpatrick, op. cit. Joanna Cameron, "The Cuban Democracy Act of 1992: The International Complications", Fletcher Forum (Winter/Spring 1996). См. Noam Chomsky, Year 501 (South End, 1993), Chapter о фоне событий и источниках.
27. Cameron, "Cuban Democracy Act", American Association for World Health, Denial of Food and Medicine: the Impact of the U. S. Embargo on Health and Nutrition in Cuba, March 1997; Victoria Brittain, Guardian Weekly, March 16, 1997.
28. NYT, April 17, 1996.
29. David Sanger, NYT, October 12, 1996. Годом позже администрация Клинтона навязала сверхвысокие тарифы на японские суперкомпьютеры. См. ниже, гл. VII.
30. Thomas Ferguson, Mother Jones, November/December 1996; Business Week, August 12, 1996.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 1 августа 2025 13:29:33

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 1 августа 2025 13:33:09